

Как работал Николай ПОГОДИН

ПОСЛЕДНИЕ годы своей жизни, работая над молодежными пьесами «Маленькая студентка», «Голубая рапсодия» и «Лев Порошин», Николай Федорович одновременно не прекращал своего основного труда об Эйнштейне.

В середине 1961 года трагедия «Альберт Эйнштейн» была закончена и передана во МХАТ (четыре отрывка из нее публиковались в «Известиях» и «Вечерней Москве»). Ставить ее поручили Борису Ливанову.

Обычно, закончив пьесу, Погодин уже к ней не возвращался, увлеченный новой работой. С «Эйнштейном» все было по-другому. Драматург чувствовал, что в пьесе что-то не так и нужно будет многое переделывать. Но что? Этого он еще не знал...

Основной целью его поездки в Америку было желание побывать в музее Альберта Эйнштейна в Принстоне, окунуться в атмосферу его последнего — трагического — периода жизни, поговорить с людьми, знавшими Эйнштейна. Надо сказать, что поездки за границу были всегда для Погодина творческими командировками.

За рубежом он чувствовал себя «советским полпредом». Так, например, перед поездкой в Америку в мае 1962 года он написал даже тезисы своей будущей беседы с американцами, чего раньше никогда не делал, так как был блестящим импровизатором и острым полемистом.

Помню, Николай Федорович встал, держа в руке мелко исписанный голубой лист бумаги, и, чопорно поклонившись в мою сторону, произнес: «Уважаемые леди и джентльмены...»

Я сразу же понял, что Погодину тесно в недоговоренности конспекта, что его подняло вдохновение и сейчас он начнет импровизировать молодым голосом, с четкой актерской дикцией. Я приготовился записывать. Некоторые слова и фразы, особенно значительные, он как бы подчеркивал взмахом правой руки, хотя вообще жестиковать не любил. Руки он обычно держал в карманах или за спиной.

О выступлениях Погодина в Америке хорошо рассказал Анатолий Софронов в своей очерке «Николай Погодин в Америке», напечатанном в «Огоньке».

Со слов Николая Федоровича я знаю, как он знакомился со всем, что имело отношение к Эйнштейну.

В Принстоне он увидел обычный профессорский коттедж, в котором по-прежнему жили самые близкие и дорогие Эйнштейну люди; посетителям даже казалось, будто хозяин только что вышел или вот-вот вернется. Погодин записал: «Принстон. Такое впечатление, что видел старинную гравюру. Это начало XIX столетия в Америке».

Теперь Погодин знал, чего ему не хватало раньше — личных наблюдений, житейских фактов, деталей. Вернулся он из Америки переполненный впечатлениями и замыслами. Погодин был велик, когда в основу художественного вымысла клал достоверность документа, когда ощущал жизнь сам, воочию.

Он наотрез отказался от первого варианта пьесы и написал А. В. Солодовникову, тогдашнему директору МХАТа:

«...Мне изумительно повезло. Поездка в Америку, посещение Принстона, встреча с интеллигенцией, с официальным миром и великолепной книгой Кузнецова спасли меня от страшной клюквы. Я с радостью и безжалостно начинаю все снова...»

И Погодин забрал пьесу из театра для переработки. Маститый драматург преподал высокий пример поистине железной требовательности настоящего художника к себе и своему творчеству.

Однако планы Погодина нарушила внезапная и тяжелая болезнь.

Находясь в больнице, Николай Федорович шутил с посетителями, когда ему становилось лучше, но

сразу же мрачнел, вспоминая о несконченном «Эйнштейне». Рвался домой — к работе, главному делу его жизни.

Про писательское ремесло он говорил: «Труд всегда должен идти впереди таланта, ибо талант — это тот же труд, только возведенный в степень».

Мне приходилось слышать, как Николай Федорович рассказывал: «Я действительно работал, как вол, и до того доработался, что буквально свалился с ног и забылся», или: «У меня настроение человека заматанного и очень утомленного работой, — и тут же добавлял: — Ничего, отойду...»

Исходя из его большой продуктивности, многие полагали, что Погодин пишет очень легко. А вот что он написал жене в период работы над «Падью Серебряной»:

«...Теперь я напишу тебе про свое, в сущности, каторжное житье. Каторжное оно, конечно, от работы. Меня возмущает, когда обо мне говорят, что, мол, Погодин очень быстро работает. Вот сегодня выходной и бешеная жара, а я сижу в кабинете. Найди хоть кого-нибудь на дачах, чтоб работал. Дело, конечно, в том, что работа для театра имеет свое основное правило — время. Пьесу, если хочешь ее ставить в театре, откладывать нельзя... Но меня измучила жара. Я сейчас пишу тебе, как запорожец, без рубахи. Опять 30° в тени... Жара, хоть бери веник и парься. Голова, как кастрюля. Сердце болит. И надо сидеть работать, так как к трем часам материал должен быть на машинке, чтобы успеть послать его в театр...»

Так Погодин работал всегда. До изнеможения. Это рабочее напряжение объяснялось не только спецификой работы для театра, но и творческим методом самого драматурга. Свои пьесы Николай Федорович долго вынашивал мысленно, а за стол садился не «высживать», а, как он говорил, «записывать рукой» продуманное, прочувствованное, зрелое. Слова «вдохновение» он стеснялся и называл свое состояние «рабочим задором».

Погодин как-то рассказывал: «Я веду крайне регулярный образ жизни. Ложусь спать между 5 и 6 утра и встаю между двенадцатью и часом. После обеда сплю часа два и на ночь сажусь жить с моими людьми. Увлечен. Влюблен. Совершенно забылся. И мне на все наплевать. Голова светлая. Никакой усталости. Никаких черных мыслей. Буквально, не горю, а пылаю над моими сценами...»

В результате такого «крайне регулярного образа жизни», без отдыха и отпусков, Николай Федорович уже на шестом десятке почувствовал, наконец, что страшно устал. Мне он сказал: «Я заметил, что даже ногами начал шаркать при ходьбе. Так дальше нельзя. Я доведу себя до маразма».

Начались регулярные поездки в Кисловодск и Цхалтубо (хотя писал и там), и, самое главное, Николай Федорович вывел новый жизненный и рабочий режим, которого строго придерживался. Теперь он трудился не ночами, а в утренние часы. Не раз Погодин говорил товарищам: «Писатель должен выработать определенный четкий режим или ритм, которые становятся для него условным рефлексом или хорошей привычкой: ежедневно в одно и то же время сестра за стол и выполнить свою дневную норму, а еще лучше перевыполнить, как это делает хороший рабочий». Сам он всегда перевыполнял свою норму.

Теперь, готовя библиографию по творчеству Н. Ф. Погодина, я с изумлением узнал, что оно, оказывается, составляет свыше шестидесяти пьес и сценариев, около тысячи статей, очерков, фельетонов и корреспонденций.

Поистине титаническая работа! Великий труженик!

Алексей ВОЛГАРЬ,
секретарь Комиссии
по литературному наследию
и увековечению памяти
Н. Ф. Погодина при Союзе
писателей СССР